

УДК 82-8

**К СИМВОЛИКЕ ЗАГоловочного ОНИМА
«ХРОНИК НАРНИИ» К.С. ЛЬЮИСА¹**

Родина Мария Вячеславовна

аспирант

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов

author@apriori-journal.ru

Аннотация. В статье исследуется заголовочный оним «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса, его символика и функции, выполняемые в тексте указанного произведения.

Ключевые слова: заголовок; имя собственное «Нарния»; символика; функции.

**TO THE SYMBOLIC IMPLICATIONS OF THE TITLE PROPER NAME
IN «THE CHRONICLES OF NARNIA» BY C.S. LEWIS**

Rodina Maria Vyacheslavovna

graduate student

The Tambov state university of G.R. Derzhavin, Tambov

Abstract. The article is focused on the proper name «Narnia» that is used in the title of the «The Chronicles of Narnia» by C.S. Lewis. The author analyses the symbolic implications of the mentioned name, the role and most important functions that it performs in the text.

Key words: the title; proper name «Narnia»; symbolic implications; functions.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Поэтика мифа в цикле сказочных повестей К.С. Льюиса «Хроники Нарнии»: проблема художественной функциональности»), проект № 14-34-01009.

Как известно, заглавие есть «один из важнейших элементов смысловой и эстетической организации художественного текста» [6, с. 119]. Как отмечает У. Эко, оно являет собой «ключ к интерпретации» литературного произведения. «Восприятие задается словами «Красное и черное», «Война и мир» – пишет он. – Но как бы ни было выразительно само по себе заглавие, в полной мере понять его смысл, оценить, насколько оно удачно, можно лишь по прочтении произведения, соотнося его с уже усвоенным содержанием» [6, с. 89]. Выбор заглавия представляет собой одну из сложнейших задач, стоящих перед писателем, и на процесс выбора могут влиять самые разные обстоятельства его личной и общественной жизни.

В современном литературоведении заголовку уделяется много внимания. Так, свои исследования ему посвятили Ю.В. Бабичева, А.В. Ламзина, Е.Н. Бахарев, А.Н. Бертякова, О.И. Богословская и др. В настоящий момент разработаны типологии заголовков, а также ведется активная работа, посвящённая осмыслению специфики заголовка в творчестве конкретных писателей и разных литературных направлений.

В этой статье наше внимание будет сосредоточено на анализе символики заголовочного онима «Хроник Нарнии», созданных К.С. Льюисом, в которых описаны путешествия английских детей в нездешние, фантастические миры. В состав «Хроник...» входят семь сказочных повестей, что глубоко символично, ибо цикл во многом повторяет библейскую историю: здесь повествуется о сотворении мира и о появлении греха; присутствуют символические рассказы о Страстях, Воскресении и Последнем Суде.

Объектом настоящего исследования выступает сам заголовочный оним «Нарния», предметом – его символика и функциональный потенциал. Соответственно, цель данной статьи в том, чтобы объяснить причины выбора Льюисом этого названия для своего «вторичного мира», а также выявить функции, выполняемые указанным именем собственным в тексте.

Нарнией писатель именуется прекрасную волшебную страну, страну, где фонарный столб пробивается из земли, словно дерево, а животные, птицы и растения говорят и мыслят, как если бы они были людьми. Но имя, которым Льюис её нарёк, не было выдуманно им специально – здесь автор работал с уже готовым материалом. Дело в том, что Нарнией в древности назывался итальянский город, основанный примерно за 3 века до н.э. и в настоящее время известный как Нарни. Именно это вдохновило Льюиса «окрестить» таким образом свою страну. Сам он не раз говорил об этом, о том же свидетельствует литературовед Дж. Фортунатти. По его словам, У. Хупер, бывший личным секретарём писателя, передал исследователю копию атласа древней Италии, некогда принадлежавшего Льюису, где было подчёркнуто это название. Мы полагаем, что у создателя нарнийского цикла был для этого, помимо увлечения римской историей, целый ряд причин.

Прежде всего, о многом говорит само местонахождение Нарни: в Италии. И не просто в Италии, а в 50 километрах от Рима, который издревле, наряду с Грецией, являлся колыбелью античной культуры, в которой писатель нередко черпал своё вдохновение. Поэтому выбор такого названия, как «Нарния», видится не случайным; мы полагаем, что благодаря ему устанавливается связь льюисовского «вторичного мира» с причудливым миром римской мифологии. Подтверждение данной мысли мы находим уже при более близком знакомстве с самим текстом, из которого узнаём, что Нарнию во множестве населяют фавны, сатиры, дриады, менады и т.п. существа. При этом они предстают «очищенными от всего грубо-телесного и жестокого, связанного с ними в древних мифах» [15, с. 316]. В качестве примера можно привести образы Вакха и его свиты, которые охарактеризованы как **«wild» – «дикие», «необузданные», «fierce» – «жестокие, свирепые»; «страстные», и «madcap» – «безрассудные, сумасбродные»**. Все эти эпитеты восходят к античному пониманию указанных образов. «Разумеется, Льюису был известен

миф о растерзанном менадами Орфее или сюжет Еврипида, где Пенфея разрывает толпа таких же вакханок во главе с его собственной матерью, – пишет по этому поводу С.В. Шешунова. – Однако в «Хрониках Нарнии» менады не совершают ничего жестокого или по-настоящему безумного; вакханалия здесь длится несколько дней, но это буйство вполне целомудренно» [15, с. 316]. Столь же «преображены» и образы фавнов: они весьма и весьма обаятельны, а их лица кажутся одновременно печальными и веселыми («*mournful and merry at once*»). Подобным образом и звуки их флейт воспринимаются как дикие, исступленные и вместе с тем – мечтательные: («*a tune wild and yet dreamy*») [7, с. 86]. Но всё же «в этой двойственности нет ничего морально двусмысленного: в повествовании Льюиса фавнам (равно как дриадам или кентаврам) присущи благородство и чистота» [15, с. 317]. Список примеров можно продолжить. Собственное имя «Нарния» таким образом превращается в своего рода символ.

Кроме того, выбор онима «Нарния» позволяет «во-первых, задавать пространственно-временные координаты образа мира, раскрытого в художественном тексте, а во-вторых, создавать у читателя «иллюзию» реальности описываемых в тексте событий» [4, с. 99]. Нарния, о которой упоминают тексты 299 г. до н.э., была частью реального мира так же, как является ею современный Нарни. Но та Нарния, что предстаёт нам на страницах «Хроник...», принадлежит уже иному измерению. Мир, что открывается героям и читателям повестей, во многом непохож на наш. Непохож в первую очередь – своей одушевлённостью, даже одухотворённостью. Это реальность, которая явно ему противопоставлена и которая, как отмечает С.Л. Кошелев, «олицетворяет те глубинные принципы бытия, которые нам, живущим в мире прозаическом, не видны, скрыты от нас» [5, с. 6]. И окрашен этот мир в совсем иные тона, нежели наш: он необыкновенно светел, чист и ярок. «Взгляните, какие яркие краски, – размышляет по этому поводу И. Петровский, – Аслан – ослепительно-золотой Нарния – сочно-зеленая, всегда весенняя, будто ее рисовал ре-

бенок. <...>. Перед нами словно ожившая средневековая геральдика, пиршество красок и форм» [9]. Там, где действительность губит и разрушает, Нарния – спасает и восстанавливает. Она постоянно влечёт к себе лучших героев – достаточно вспомнить Дигори, который мечтает о стране, где можно было бы отыскать плод вечной молодости; Люси, для которой высшее счастье состоит в общении с Асланом; Юстеса, Джил и других. «Льюис был убеждён, – пишет М. Саммонс, – что все мы родом из Иного Мира и были когда-то созданы именно для него, в то время как на земле мы всего лишь пришельцы и странники. Именно так писатель объяснял то, что мы привыкли называть духовной жаждой, сравнивая томление человека по Иной Жизни <...> с отзвуком мелодии, что нам пока не довелось услышать, с долгожданной весточкой из страны, где мы никогда не были» [12, с. 36]. В «Хрониках...» же эти самые заветные устремления человеческой души (*«immortal longings which we have from the Creator»*) находят выражение именно в образе Нарнии, где добро и зло, война, красота, природа, смерть предстают нам в их первичной яркости, без полутонов <...>, и сам мир предстаёт в его главном, а не во второстепенном» [5, с. 6]. Поэтому можно сказать, что в сказках Льюиса мир Нарнии и его повелитель оказываются средоточием глубинной, «первичной» правды.

И всё же между ними нет резко очерченных границ: Нарния всё время словно «проталкивается» в нашу действительность: «Самым неожиданным образом, незаметно почти для всех, дверью в иной мир может стать обычный предмет, привычное место <...>. Льюис зачарован взаимодействием миров, взаимопроникновением естественного и сверхъестественного, неба и земли» [14]. Сама Нарния, как выясняется по более близкому рассмотрению, при всей своей фантастичности оказывается образом нашего мира: там «все как у нас, только чуть иначе, чуть лучше. И трава растёт так же, и птицы поют так же, днем светит солнце, а ночью – луна, человек устает, взбираясь на гору, ему необходимы еда

и питье. <...>. Пейзажи Нарнии (а Льюис – большой мастер пейзажа) – это пейзажи нашего мира, только облагороженные, без фабричных труб и нефтяной пленки на реках» [5, с. 8]. Г.Д. Анакер отмечает, что описание Нарнии настолько ярко, полно и детализировано, что она воспринимается именно как настоящая, так что у читателя возникает желание попасть туда [1, с.199], стать её частью.

Таким образом, имя «Нарния» выступает в роли «соединительного звена», назначение которого – связать авторский вымысел с действительностью, подчеркнув при этом прозрачность и зыбкость границ между тем и другим. Это необходимо Льюису для того, чтобы помочь читателям осознать: где-то там, на более глубоком уровне, то, что справедливо для Нарнии, справедливо и для Мира Людей. Взгляд на Нарнию позволяет таким образом по-иному увидеть ставшую привычной реальность, когда «через смещение акцентов во внутреннем мире самого человека, мир видится преображенным» [3, с. 300]. И тогда выясняется, «что шуба мягка, как фавн, а доброта радостна, как Аслан, и мир наш так же волшебен, как Нарния» [9] – по крайней мере, таким он и был задуман Творцом. Этот эффект известен как «recovery» [11, с. 75], или «обретение вновь» – то, что так необходимо не столько детям, ибо они ещё умеют радоваться и благоговейно замирать перед величием и красотой окружающего мира, а взрослым, которым необходимо учиться этому заново.

Исходя из сказанного, рассмотрим и кратко охарактеризуем функции, выполняемые онимом «Нарния» в тексте.

Во-первых, это функция **номинативная**: ещё прежде, чем читатель познакомится с текстом, заголовочное имя собственное сообщает ему о месте, где будут происходить все описанные в книге события. Эта функция связана с функцией **различительной**, благодаря которой становится возможно отличить Нарнию от других местностей: это только один из множества параллельных, взаимопроникающих миров. И даже не один целый мир, а лишь одна небольшая страна в одном из миров, вокруг ко-

торой существует множество обширных территорий. Но именно ей отведена ведущая роль, что также подчёркивается вынесением указанного онима в заголовок.

Следующая функция – **мифотворческая**: название льюисовской страны содержит указание на связь с миром классической мифологии, оно как бы «выстраивает вокруг себя мир с мифопоэтическими законами, где господствует ассоциация всего со всем» [10, с. 227].

Важной функцией, выполняемой заголовочным онимом «Нарния», является функция **пространственно-временная**, благодаря которой становится возможно соотнесение «вторичной действительности» художественного текста с объективной реальностью. Указанная функция тесно примыкает к **функции символической**: выбор автором элемента реальной итальянской топонимики для наименования волшебной страны служит реализации одной из ключевых идей семикнижия – идеи двоимирия. В вымышленном мире оказывается «обобщен мистический, символический опыт жизни в реальной Вселенной» [2, с. 130], а в финале цикла мир Нарнии неожиданно оказывается последней реальностью, и переселение туда героев оборачивается возвращением «из плена иллюзии туда, где их истинный дом» [2, с. 135].

Таковы основные функции, выполняемые заголовочным онимом «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса. Выбор именно этого онима автором нарнийского цикла и вынесение его в название произведения во многом обусловлен содержанием последнего, а также особенностями личных интересов и убеждений писателя. Однако он не дает исчерпывающей информации о содержании текста – можно сказать, что выбор онима «Нарния» имеет целью создание интриги за счет приема усиленного ожидания, апеллируя к фоновым знаниям аудитории и таким образом вовлекая читателя в своего рода интеллектуальную игру. И уже в ходе этой игры перед читателем постепенно раскрываются смыслы, заложенные в этом имени, и его причудливая символика.

Список использованных источников

1. Анакер Г.Дж. Нарния и нравственное воображение // «Хроники Нарнии» и философия: лев, колдунья и мировоззрение. М.: Эскмо, 2011. С. 186-203.
2. Афонина Ю.Н. Двоемирие в повествовательной структуре «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса // Вестник Пермского гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 135.
3. Барляева Е.А. Об использовании архетипов в литературе // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя. Матер. Междунар. заоч. конф. Астрахань, 2010. С. 26-30.
4. Джандар Б.М., Лоова А.Д. К проблеме функционирования имён собственных в художественном тексте // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 2. Филология и искусствоведение. 2012. № 3. С. 97-102.
5. Кошелев С.Л. К.С. Льюис и его страна чудес // Льюис К.С. Хроники Нарнии. М.: Космополис, 1991. С. 1-8.
6. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М., 1931. С. 89-119.
7. Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. London, 2011.
8. Мифологический словарь М.: «Сов.Энциклоп-я» 1990. С. 553.
9. Петровский И. Сказки для рыцарей старшего возраста [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://narnianews.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=189> (дата обращения: 02.03.2014 г.).
10. Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000.
11. Sammons M. A Far-off Country: A Guide to C.S. Lewis's Fantasy Fiction. 2000. P. 29-34; 59.
12. Sammons M. The Chronicles of Narnia: for Adults only? // Revisiting Narnia: Fantasy, Myth and Religion in C.S. Lewis' Chronicles. Dallas, Texas, 2005. P. 73-77.
13. Словарь античности. М.: Прогресс, 1989. С. 596-597.

14. Уэр К. Можно ли считать К.С. Льюиса анонимным православным? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=99216> (дата обращения: 25.01.2015).
15. Шешунова С.В. Образы античных богов в творчестве К.С. Льюиса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 316-320.